

Ожешко Элиза

Над Неманом

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Э46

Э46 **Элиза О.**
Над Неманом / Ожешко Элиза – М.: Книга по Требованию, 2023. – 554 с.

ISBN 978-5-521-26156-7

ISBN 978-5-521-26156-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

селыми рѣками перерѣзывали еще невысокіе посѣвы овса и ячменя.

И люди сегодня были тоже веселы; немало ихъ виднѣлось на дорогахъ и межахъ. По дорогѣ цѣлыми толпами, а по межамъ гуськомъ шли женщины, и головы ихъ, повязанныя красными и желтыми платками, издали походили на громадныя піоны и подсолнечники. Отъ этихъ группъ и кучекъ лились и разносились по полямъ сотни различныхъ голосовъ. И пискливые голоса женщинъ, и крикъ грудныхъ дѣтей, и бойкій напѣвъ веселой пѣсни, — все сливалось въ одно и будило эхо и въ рощицахъ, покрывающихъ пригорки, и въ большомъ лѣсу, который темною полосой отдѣлялъ золотистую стѣну берега Нѣмана отъ голубого неба съ его серебристыми облачками. То былъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ моментовъ въ жизни деревенскаго люда, — то былъ моментъ возвращенія изъ костѣла въ свѣтлый, погожій праздничный Божій день.

Когда толпа проходящихъ начинала уже замѣтно рѣдѣть, вдали, на равнинѣ, показались двѣ женщины. Онѣ шли съ той же стороны, откуда и другія, но, вѣроятно, свернули съ прямой дороги и замедлили въ одной изъ придорожныхъ рощицъ. Одна изъ этихъ женщинъ держала въ рукахъ громаднй пукъ лѣсныхъ растеній, другая размахивала, точно знаменемъ, большимъ бѣлымъ платкомъ.

Женщина съ платкомъ была очень высокаго роста, худая, костистая, съ сильными большими руками, нѣсколько сгорбленная отъ лѣтъ и усталости, съ выдающимися лопатками, которыя рѣзко вырисовывались подъ старомодною мантилейю съ длинными концами. Кромѣ

мантильи и полотняного воротничка, на ней была надѣта черная юбка, но настолько короткая, что изъ-подъ нея виднѣлись двѣ большихъ ноги въ толстыхъ чулкахъ и цвѣтныхъ туфляхъ. Этотъ костюмъ дополнялся старою соломенною шляпой, освѣнявшею своими широкими полями лицо, которое на первый взглядъ могло показаться старымъ, некрасивымъ, даже отталкивающимъ, но все-таки заслуживающимъ вниманія. То было лицо небольшое, худое, почти бронзоваго цвѣта, съ морщинистымъ лбомъ, со впалыми щеками, съ выраженіемъ горечи и злости въ линіяхъ тонко заостреннаго носа и сжатыхъ губъ, съ горящими и пронизательными глазами.

Глаза были единственнымъ богатствомъ этого стараго злого лица. Можетъ-быть, они и прежде составляли его единственное украшеніе, а теперь изъ-подъ черныхъ широкихъ бровей освѣщали все лицо своимъ блескомъ; взглядъ ихъ былъ остръ, пронизателенъ и горѣлъ какъ будто бы поддерживаемымъ внутри неустаннымъ огнемъ, совершенно несоотвѣтствующимъ этому почернѣлому лицу, помятому рукой времени или судьбы. Старуха шла широкимъ, размашистымъ, очевидно привычнымъ къ торопливости шагомъ.

Женщину съ цвѣтами трудно было бы назвать сразу панной изъ хорошаго дома или дѣвушкой изъ народа. Она смахивала и на то и на другое. Высокая, хотя гораздо ниже своей спутницы, она была одѣта въ черное суконное платье, весьма скромнаго покроя, но сшитое несомнѣнно рукою хорошей портнихи. Гибкій станъ дѣвушки и нѣжный цвѣтъ ея лица тоже говорили о ея старательномъ, нѣсколько тепличномъ воспи-

таніи, зато всѣ движенія и манеры вполне противорѣчили этому: въ нихъ виднѣлась порывистость, даже, можетъ-быть, преднамѣренная небрежность. На ней не было ни шляпки ни перчатокъ.

Она смѣло выставляла свою голову, покрытую роскошными черными волосами, и смуглое лицо съ пурпурными губами и большими сѣрыми глазами на встрѣчу жгучимъ солнечнымъ лучамъ, а загорѣлыми руками, видимо давно незнакомыми съ перчатками, опиралась на дешевый холщевый зонтикъ. Все это составляло странный контрастъ съ ея поднятою головой и смѣло очерченными дугами бровей, придававшими ея лицу выраженіе гордости и силы. Вообще эта дѣвушка, на видъ лѣтъ двадцати-двухъ, казалась олицетвореніемъ сильной и здоровой красоты, немного надменной и печальной. Въ ея молодомъ и свѣжемъ, но отчасти неспокойномъ и задумчивомъ лицѣ не было той ясности, которую придаетъ человѣку счастье и общеніе съ вѣчно юною природой.

Стараясь не отстать отъ своей спутницы, она съ интересомъ, почти съ любовью посматривала на собранный ею пучокъ цвѣтовъ. Тутъ были и колокольчики, и лѣсная гвоздика, и пахучая дрема, и покрытыя нѣжными шишечками вѣтки сосны. Все это изливало волны острыхъ запаховъ, которыя дѣвушка отъ времени до времени вбирала въ себя всею силой своей широкой здоровой груди. Все это вмѣстѣ съ жгучими лучами солнца покрывало румянцемъ ея смуглыя щеки. Ея строгія губы мало-по-малу начинали складываться въ беззаботную улыбку. Смѣшили ее и слова ея спутницы, которая грубымъ, часто прерывающимся отъ устало-

сти голосомъ продолжала рассказывать, очевидно, еще раньше начатую исторію.

— Такъ вотъ въ этомъ самомъ мѣстѣ, между двумя пригорками, глупые мужики приняли меня за холеру... Можетъ-быть, ты не вѣришь? Честное слово, правда! Тогда тебя еще не было въ Корчинѣ, ты была еще маленькой... это въ то время, когда твой папенька еще увлекался француженкой...

Она сразу оборвалась, остановилась, кашлянула такъ, что по полю пронеслось эхо, высморкалась и гнѣвно прошептала про себя:

— Вѣчно скажу глупость какую-нибудь!

Молодая дѣвушка, лицо которой на минуту какъ будто окаменѣло, снова улыбнулась.

— Что вы, тетя, точно я не знаю этого, не освоилась со всѣмъ! Вѣдь не со злымъ же вы намѣреніемъ... Полно!.. Ну, какъ же это было съ холерой?

Онѣ вновь пошли такъ же скоро. Старуха продолжала:

— А вотъ какъ было... Иду я изъ костѣла, какъ и теперь; спѣшу, потому что Эмилиа была больна, а къ обѣду должны были пріѣхать гости... Я лечу что есть духу, напрямикъ черезъ поля (они тогда были подъ паромъ), — что ни шагъ, то черезъ полосу перескочу... А было на мнѣ тогда зеленое платье... въ то время я еще цвѣтныя платья носила... Шляпу вотъ такую же, соломенную, я сняла и обмахивалась ею... Уфъ! не могу...

Она запыхалась, остановилась снова и начала кашлять. Кашель у нея былъ хриплый, громкій, какъ изъ бочки, но она обращала на него мало вниманія и продолжала вновь:

— Тогда свирѣпствовала холера; въ нашихъ краяхъ ея не было, но люди боялись, чтобъ она и къ намъ не пришла... Увидѣли мужики, какъ я лечу по полю, и начали кричать... Одни бросились бѣжать въ разныя стороны, словно за ними черти гонятся, другіе попадали на колѣни и начали среди дороги класть поклоны да читать вслухъ молитвы... „Холера!—кричатъ.— Вотъ она бѣжитъ на нашу гибель!“— „Да нѣтъ!“—говорятъ другіе.— „Какъ нѣтъ? холера—и баста! Вонъ какая высокая, головой до неба достаетъ, въ зеленой одеждѣ и золотой лопатой махаетъ!..“ А лопата,—ты понимаешь,—это моя соломенная шляпа... Правда, во время обѣдни я сняла ее и положила подъ себя, такъ какъ дѣвать ее было некуда, да такъ всю службу на ней и просидѣла... Уфъ! не могу.

Она снова закашлялась и нѣсколько шаговъ прошла молча.

— Что же было потомъ?—спросила ее спутница.

— Что было-то? Напрасно управляющій, что какъ разъ въ то время возвращался изъ костѣла, и Богатыровичи (они меня давно знали, близко даже знали) толковали мужикамъ, что это не холера, а панна Марта Корчиньская изъ Корчина, двоюродная сестра пана Бенедикта Корчиньскаго... Не повѣрили, до сего дня не вѣрятъ... „Ну, да,—говорятъ,—гдѣ жъ на свѣтѣ бывала такая женщина, чтобы головой до неба доставала, надъ землей летѣла, золотой лопатой передъ собой махала, моровое повѣтріе нагоняла?..“ Вѣчная людская глупость! Скажу я тебѣ, Юстина, что людская глупость—это великая, вѣчная твердыня. Она больше даже людской злобы. Я-то ужъ это знаю; было время.

что и я сама такъ наткнулась на свою собственную глупость, что... Уфъ! не могу.

Опять раздался громкій кашель старой женщины. Юстина, уткнувъ лицо въ свой букетъ, замѣтила:

— Но вѣдь вамъ эти глупыя рѣчи ничѣмъ не повредили...

Черные глаза Марты Корчиньской взглянули почти со злобою.

— Ты думаешь?— съ неудовольствіемъ спросила она.— Вѣчно одно и то же: никто не повѣритъ въ то, что самъ не испыталъ. Не повредили! Ты думаешь, пріятно быть принятой за холеру? Въ то время я не была какъ стара... двѣнадцать лѣтъ тому назадъ; мнѣ было тогда тридцать-семь...

— Значить, теперь сорокъ-девять?— съ нѣкоторымъ удивленіемъ замѣтила Юстина.

— А ты, можетъ-быть, думала, что шестьдесятъ?— горько засмѣялась Марта.— Правда, по виду мнѣ всякій дастъ столько, да и тогда я была немногимъ красивѣе, чѣмъ теперь. Можетъ-быть, ты не знаешь, отчего, а? Знаешь, отчего?

— Знаю,— серьезно отвѣтила дѣвушка.

— Ну, если знаешь, то хорошо. Можетъ-быть, сдѣлаешь что-нибудь такое, чтобъ самой вскорѣ не походить на холеру...

Юстина пожала плечами.

— Что же мнѣ дѣлать?

Онѣ задумались и невольно замедлили шагъ.

— Ну, мы тащимся словно черепахи,— первая опомнилась Марта. — Скорѣй! Эмилія, вѣроятно, уже не-

довольна, что мы замѣшались, и начинаетъ страдать мигренью или головокруженіемъ...

— А Тереза,—подхватила панна,— бѣжить за каплями изъ бобровой струи или за бромистыми порошками или за Риголло...

Она засмѣялась, но тотчасъ же вновь сдѣлалась серьезна:

— Бѣдная тетка! Она дѣйствительно несчастная... съ вѣчными своими болѣзнями.

Марта кивнула головой и махнула рукой.

— Это вѣрно — бѣдная женщина! Но, видишь ли, если бѣ такъ за блохами ухаживать, какъ она за своею хворью ухаживаетъ, то онѣ въ быковъ превратились бы, честное слово!

Въ эту минуту за разговаривающими послышался стукъ колесъ. Дорога въ этомъ мѣстѣ суживалась, и Марта со своею спутницей отступили въ сторону. Сквозь тонкую густую пыль можно было различить щегольской фаэтонъ, запряженный четверней породистыхъ лошадей, съ двумя сѣдоками. При видѣ проходящихъ мужчины приподняли свои шляпы, а одинъ изъ нихъ крикнулъ:

— Святые дѣвы Марта и Юстина, молитесь Бога за насъ!

Марта, съ искрящимися глазами, махнула платкомъ въ сторону фаэтона и воскликнула:

— Я ужъ молилась, молилась Богу, чтобъ онъ возвратилъ вамъ разумъ!

Изъ фаэтона послышался смѣхъ. На лицѣ Юстины выступилъ отпечатокъ отерашенія, почти боли.

— Господи! — прошептала она,—а я надѣялась, что

этотъ человѣкъ хотъ сегодня къ намъ не прїѣдетъ, что его панъ Ружицъ пригласить къ себѣ обѣдать...

— Онъ не глупъ!—отвѣтила Марта.— Конечно, панъ Ружицъ пригласилъ его въ свой экипажъ, а онъ отправилъ свою лошаденку домой,—самъ предпочелъ прокатиться въ чужомъ фаэтонѣ и пообѣдать у насъ: два зайца однимъ зарядомъ...

Юстина, очевидно, была неспокойна. Охапка цвѣтовъ, находящаяся въ ея рукахъ, перестала занимать ее.

— Интересно знать,—сказала она,—какою комедіей насъ угостятъ сегодня?

Марта внимательно посмотрѣла на нее и тихо проговорила:

— О папашѣ своемъ безпокоишься, а? Этотъ бездѣльникъ вѣчно устраиваетъ какія-нибудь штуки съ тѣмъ шутомъ...

Она опомнилась и зажала себѣ ротъ своею большою рукой.

По лицу, губамъ и даже рукамъ Юстины пробѣжала дрожь, какъ бы чувство страшнаго отвращенія. Но она собралась съ силами и отвѣтила:

— Говорите, пожалуйста, мнѣ все прямо. Я давно уже поняла положеніе отца и свое... давно, давно; но только освоиться съ нимъ не могу и никогда, никогда не примирюсь...

Марта засмѣялась.

— Ужасно мнѣ нравится это кудахтанье! Желала бы я знать, что ты слѣлаешь! Или примириться приходится или въ воду лѣзть... Каждый человѣкъ сначала отчаивается, а потомъ мирится съ судьбой, какую ему посылаетъ Богъ или дьяволъ... Чтобы всѣ судьбы

людей были дѣломъ Бога, въ это я ни на каплю не вѣрю... Я уже исповѣдывалась въ этомъ и разъ не получила отъ ксендза отпущенія въ грѣхахъ, но все-таки и до сихъ поръ не вѣрю... Говорю я тебѣ, что всякій человѣкъ сначала сопротивляется, а потомъ, какъ овца, спокойно идетъ своею дорогой... Уфъ! не могу.

Она сильно закашлялась, до слезъ, и посмотрѣла на свою спутницу.

— А ты, Юстина, совсѣмъ какая-то странная. Отчего тебѣ не быть такою же, какъ другія панны? Пользуйся любовью дядюшки и тетюшки, наряжайся, когда тебя хотятъ наряжать, веселись, когда подойдетъ случай, дѣлай глазки холостымъ,—можетъ-быть, кого-нибудь и сцапаешь и замужъ выйдешь, а? Ей Богу! отчего ты такъ не дѣлаешь?

Юстина не отвѣчала. Она шла прямо, ровнымъ шагомъ, какъ и прежде, только въ ея задумчивыхъ глазахъ блеснули слезы.

— Ха-ха-ха! — засмѣялась Марта. — Странная ты и гордая какъ княжна... Отъ дяди ничего брать не хочешь, на свои процентишки одѣваешь себя и отца, шляпки и перчатокъ не носишь.

— О, не думайте такъ! — почти порывисто воскликнула Юстина. — Я ни лгать ни притворяться не хочу.. Правда, я всегда ломаю голову, чтобы мнѣ и отцу хватило, по крайней мѣрѣ, одѣться на наши гроши... Но шляпки и перчатокъ я не ношу совсѣмъ не изъ-за того, совсѣмъ не изъ-за того...

— А изъ за чего же? Ну, изъ-за чего?—сверкая глазами, допытывала ее старая дѣва.

— Изъ-за того,—съ внезапнымъ и сильнымъ румян-

цемъ отвѣчала Юстина, — что давно уже опротивѣли мнѣ ихъ наряды и забавы, ихъ поэзія и ихъ любовь... Я живу такъ же, какъ и они, да и какъ я устрою себѣ другую жизнь? Но въ чемъ я могу поступать самостоятельно, то дѣлаю какъ хочу, и никому до этого дѣла быть не должно.

Марта опять проницательно посмотрѣла на нее.

— А все это, — сказала она, — началось съ твоей исторіи съ Зигмунтомъ Корчиньскимъ... Правда? Ха-ха-ха! Ты, вѣроятно, думала тогда, что тебя съ распростертыми объятіями встрѣтятъ и введутъ въ семью свою... вѣдь ты имъ сродни приходишься... А они-то?... Куда тебѣ! И подумать не дали этому пачкуну... Ха-ха-ха! Знаю я это все, знаю! Вѣчная глупость людская...

Юстина смотрѣла внизъ и молчала.

— Ну, а думаешь ты порою о томъ пачкунѣ? Сердце... болить порою?

— Нѣтъ.

Изъ этого короткаго отвѣта можно было замѣтить, что панна Юстина не хочетъ говорить о вопросѣ, затронутомъ ею спутницей. Теперь ужъ послѣдній слѣдъ прежняго оживленія исчезъ съ ея лица, чувство ея перестало пить изъ кубка щедрой природы сладкій напитокъ забвенія. Какая-то горькая забота обволокла ея свѣтлые сѣрые глаза, какое-то воспоминаніе заставило опуститься книзу углы ея губъ и придало имъ выраженіе скуки и утомленія.

Въ это время на дорогѣ вновь загремѣли колеса, только иначе, чѣмъ прежде. То не было глухое, мягкое погромыхиваніе фаэтона, а просто стукъ и скрипъ колесъ простой телѣги. Теперь облако пыли поднялось